

« НАПОЛЕОНЪ »

— рассказ моего пріятеля —

Были Святки. Мой закадычный другъ Васька, съ нашего двора, давно подбиваль меня побывать въ балаганахъ «подъ Дѣвичьимъ».

— Огромное мѣсто тамъ, пустое... — рассказываль онъ мнѣ съ жаромъ, — и все тамъ балаганы, и черти выскакивають, и пушки грохаютъ... вотъ ей-Богу!

И дворникъ нашъ тоже побожился, что «бываетъ, что и чертей показываютъ... всякіе тамъ кястры!».

Меня выпустили гулять на дворъ, и я ускользнулъ съ Васькой «подъ Дѣвичье». Было у меня всего двугривенный. Мы его размѣняли по дорогѣ на стрючки и сахарныхъ пѣтушковъ, а когда добѣжали до гулянья, Васька взманилъ меня прокатиться на карусели, обѣщая взять какую-то «партію» въ шесть колець: тогда насъ будутъ катать задаромъ хоть цѣлый день. Я отдалъ послѣдній гривенникъ, Васька взялъ «партію», прокатился разъ пять задаромъ, и его, наконецъ, стащили съ конька за шиворотъ.

— Жулики! — обругался онъ. — Не хочется только городского звать... А въ балаганъ подъ доски пролѣземъ... мнѣ все извѣстно!

Высокіе балаганы заманчиво бѣлѣли свѣжими доскамн, пестрѣли щелкавшими по вѣтру флагами. Весело зазываль колоколъ, парни сипло оралн на морозѣ:

— Пра-воррнѣй, пра-воррнѣй!.. Не теряйте время даррромъ!..

Мы протискались къ высокому балагану съ раскрашеннымъ

балкономъ. По балкону ходилъ какой то въ зеленомъ балахонѣ и оралъ хриплымъ голосомъ:

— Къ началу, къ началу, щипать мочалу! Сейчасъ самъ господинъ Наполеонъ будетъ палить изъ пушки... по ста-рушкѣ! Эй, городской, начнемъ Бородинскій бой!.. Гренадеръ-военный, у тебя шагъ здоровенный... шагай — не бойся, только въ баню сходи-помойся, а то у насъ все господа за грошъ, а на тебѣ грязь да вошь!..

Всѣ весело топтались, гоготали. Солдаты валили кучами, брали въ окошечкѣ билеты и пропадали за полотномъ, на которомъ были намазаны корабли, стрѣлявшія огнемъ пушки, бушующее море, откуда высовывали морды зеленые крокодилы и огненные змѣи, стояла красная крѣпость на горѣ, усыпанная солдатами, и передъ ней, скрестивъ руки, — человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ и въ шляпѣ съ перомъ. Я подумалъ, что это, пожалуй, Наполеонъ и есть, который будетъ палить изъ пушки.

Васька пробовалъ проскользнуть съ солдатами, но его схватилъ парень въ красномъ плащѣ, съ золотымъ мечомъ, и столкнулъ со ступеньки въ снѣгъ. Тогда онъ повелъ меня кругомъ балагана, — поискать, нѣтъ ли дырки. Но дырки не было, и мы опять очутились передъ входомъ. Въ окошечкѣ торчала голова барыни въ лисьей шубѣ и зорко поглядывала на насъ. Иногда барыня высовывалась, какъ собака изъ кануры, дергала въ колоколь и огрызалась:

— Если желаете въ спиктакли, платите деньги. Сенька, гони мальчишекъ!

Изъ-за моря со змѣями выскакивалъ красный парень и отгонялъ насъ мечомъ. А въ балаганѣ ужъ разъ выпалили изъ пушки. Васька уже предлагалъ подкопаться подъ стѣнку сзади, какъ вдругъ надо мной раздался веселый голосъ:

— А, и вы здѣсь, сударь?! Неужто одни ушли?..

И я увидалъ дядина приказчика. Онъ былъ въ синей чуйкѣ, въ новыхъ резиновыхъ калошахъ, и пощелкивалъ шпанскіе

орѣшки. У меня засосало сердце, что я убѣждалъ безъ спросу. Онъ, должно быть, замѣтилъ мое смущеніе.

— Ничего-съ, скажемъ, что со мной были. Угощайтесь... — протянулъ онъ орѣшковъ на ладони, — изволили любоваться на приставленіе кеятровъ?

— У него де-негъ нѣту... — плаксиво зашипѣлъ Васька.

— Связались вы, сударь, съ такимъ сопливымъ! — сказалъ дядинъ приказчикъ, даже и не взглянувъ на Ваську. — А зачѣмъ иамъ съ вами платить деньги, ежели у насъ тутъ самый главный представитель, который папенькѣ стѣнки въ баняхъ расписывалъ! Да мы его сейчасъ встрепенемъ!..

Онъ подошелъ къ окошечку и важно закачалъ пальцемъ. Барыня что-то поморщилась и закричала злымъ голосомъ:

— Приходите въ самые спиктакли! Наполеона требуютъ!.. — крикнула она подъ занавѣску.

Дядинъ приказчикъ вынулъ серебряные часы и долго смотрѣлъ на нихъ. Потомъ погрѣмѣлъ мелочью въ карманъ.

— Наполеона, Василь Сергѣева... хозяйка кличетъ! — заорала кто-то за стѣною, и появился тотъ, который недавно ходилъ по балагану.

. Онъ теперь былъ въ сѣрыхъ сапогахъ съ жестяными звѣздами, гдѣ шпоры, въ сѣромъ коленкоровомъ сюртукѣ съ огромными жестяными пуговицами и въ сѣрой картонной треуголкѣ. И лицо у него было сѣрое и до того худое, что выступали кости. Въ одной рукѣ онъ держалъ жестяную шпагу, въ другой... Но другой руки не было, а болтался пустой рукавъ.

Онъ метнулся, узнавъ приказчика; какъ будто растерялся.

— А мы къ вамъ-съ, для кеятровъ... — сказала дядинъ приказчикъ, тыкая меня въ башлычокъ. — Они, стало быть, сынокъ папеньки ихняго, стѣнки-то расписывали черезъ меня... и еще будете имѣть заказы! Удовлетворите ужъ такое ихнее любопытство... Желательно въ балаганъ, а они прокутили весь свой капиталъ!

— Да что вы-съ!.. — воскликнулъ сѣренькій человѣкъ и

протянулъ мнѣ руку, въ которой была шпага. Даже пошаркалъ звѣздами.

Я былъ изумленъ, польщенъ. Всѣ глазѣли на «самого главнаго», который сейчасъ будетъ палить изъ пушки, а онъ протягивалъ мнѣ руку и кланялся!

— Вы теперь, стало быть, самый главный Анаполеонъ и есть? — спрашивалъ дядинъ приказчикъ важно, пощелкивая орѣшками.

— Зима-съ... — поддернулъ Наполеонъ плечомъ. — Малярной работы нѣтъ, а тутъ все рублика два-три. Съ утра до ночи, спектаклей двадцать, и на морозѣ, и на балаганѣ орать надо... Вотъ и представляю.

— Дѣло хорошее. Ужъ вы устройте, убогаторите, при протехціи кеятровъ! — настаивалъ приказчикъ.

Наполеонъ сморщился и покашлялъ въ руку. Поглядѣлъ на барыню въ ящикѣ и опять покашлялъ.

— Да съ удовольствіемъ, отчего же-съ... Трое васъ...

— Сопливый и безъ билета прошмыгнетъ! — толкнулъ дядинъ приказчикъ Ваську.

— Дя...динька... — захрипѣлъ Васька, цѣпляясь за мой тулупчикъ.

— Итти — такъ ужъ всѣмъ-съ! — сказала строго Наполеонъ и направилъ къ барынѣ.

Онъ что-то говорилъ ей, снялъ треуголку и постучалъ ею въ грудь; но та сидѣла, какъ каменная, поджавъ губы.

— Хорошо-съ... — сказалъ грустно Наполеонъ и махнулъ рукой. — Запишите. — И поманилъ насъ шпагой: — пожалуйста смотрите-съ!

— Первыя мѣста если, рупь за троихъ!! — крикнула строго барыня.

— Ловко вамъ наше угощеніе влетѣло! — сказалъ дядинъ приказчикъ. — Зато изъ чести стараются, для протехціи! Вы теперь, стало быть, будто царь... царь Анаполеонъ!

— Да... — сказалъ уныло Наполеонъ. — Вотъ вчера про-

студился, всю грудь завалило, и голосъ потерялъ, сиплю... а для Наполеона, сами знаете, надо героемъ быть! И голосъ рѣзкій чтобы...

— Ничего, сойдетъ. Анаполеонъ у насъ померзъ... вотъ и выходитъ въ самый вы разъ... — сказалъ дядинъ приказчикъ, похлопывая по плечу Наполеона.

Сѣренькій человекъ посадилъ насъ на переднюю скамейку, гдѣ коптели въ деревянной канавкѣ лампы, и сказалъ, что сейчасъ начнется.

— Велить хозяинъ повеселѣй, для смѣху публики... — усмѣхнулся онъ, — ну, придется, знаете, ломаться! А развѣ такъ для Наполеона надо?! — показалось, сказалъ онъ мнѣ и даже ласково подморгнулъ. — Ну, я ужъ для смѣху выдумываю, сочиняю самъ!..

Онъ ушелъ. Занавѣсъ заколыхался, и заколыхались на немъ дворцы и тигры. Въ балаганѣ было, кажется, еще холоднѣе, чѣмъ снаружи, даже свистѣло въ щели. Сзади стучали ногами отъ мороза. Наконецъ, занавѣсъ поднялся, и я увидаль городъ на горѣ, и по этой синей горѣ бѣлѣли клубочки дыма и лѣзли синіе турки въ красныхъ шапкахъ. Сверху сошвыривали ихъ штыками наши. На полу была навалена куча снѣга, самаго настоящего, и онъ не таялъ. На кучѣ стояла табуретка и валялось нѣсколько березовыхъ полѣньевъ.

— Стало быть, зима, и Анаполеонъ будетъ замерзать! — сказалъ мнѣ дядинъ приказчикъ, пощелкивая орѣшками.

— А помреть? — спросилъ боязливо Васька.

— А ты не встрѣвайся, сопливый... сиди-гляди! — сказалъ строго приказчикъ, швыряя скорлупки въ снѣгъ. — Имъ бы вѣсть намость завалить надо, для вида лучше!

Вышелъ Наполеонъ, опустивъ голову на грудь. Дошелъ до лампъ, и стало видно, какъ изо рта его вырывался паръ. Видно по всему было, что ему очень плохо.

— Ахъ, какой ужасный русскій морозъ! — прохрипѣлъ онъ,

грѣя дыханьемъ руку. — Сегодня, должно быть, сто градусовъ! Ужасно!!

Онъ грозно топнулъ, — прыгнули язычки въ лампахъ, — и сѣлъ на табуретку, разминая ногами скрипѣвшій снѣгъ. Рукавъ его сюртука мотался, постукивали ноги о табуретку, подрагивали плечи.

— Здорово прихватило?.. — кричали сзади.

— Ему теперь, прямо, бѣда... Анаполеону-то! — объяснялъ мнѣ дядинъ приказчикъ, выплевывая скорлупки прямо Наполеону подъ ноги. — Некуда ему податься, какъ приперли! Одна табуретка ему осталась да полѣшки... тѣфу, тѣфу! — поплеывалъ онъ скорлупками. — Ну-ка, Василь Сергѣевъ... докажи себя! Повеселѣ!..

Наполеонъ поглядѣлъ на насъ и усмѣхнулся грустно. Опять подошелъ къ лампамъ и погрозилъ кулакомъ на публику.

— Не сдамся!.. Все... на банку!.. — крикнулъ онъ весело.

Такъ всѣ и загудѣли:

— Вѣрно! Съ морозу-то и на цѣлую бутылку можно!..

— Роковой часъ... пришелъ!.. — хрипнулъ Наполеонъ, и поперхнулся: забило его кашлемъ.

— До чего все вѣрно-съ! — вздохнулъ дядинъ приказчикъ. — Стало быть, лютый морозъ, и онъ, понятно, застудился. Ну, до чего все вѣрно!..

— Храбрые мои марша-лы-ы! — крикнулъ Наполеонъ, махая шпагой.

Появились парни въ красныхъ плащахъ, въ зеленыхъ штанахъ, въ золотыхъ сапогахъ и съ золотыми мечами, которыми они вразъ стукнули, какъ ружьями. На ихъ высокихъ шляпахъ торчало по гусиному крылу. Одинъ изъ нихъ только что гналъ насъ отъ балагана. Но теперь оба были чѣмъ-то испуганы и все глядѣли туда, откуда вышли. А оттуда выглядывала пушка. Наполеонъ потеръ себѣ грудь и крикнулъ шипящимъ голосомъ:

— Я побѣдилъ всѣ народы!..

Маршалы вытянули шеи и опять стукнули мечами.

— И вотъ, попалъ въ снѣга Россіи! Ужасно! Но, все равно. Я сжегъ всѣ корабли, и уже нѣтъ мнѣ возврата въ славное мое отечество!.. — выговорилъ Наполеонъ въ отчаяньи и стукнулъ кулакомъ въ грудь. — Нѣтъ, не сдамся! Ужли я долженъ покончить свои роковые дни на проклятыхъ русскихъ поляхъ, покрытыхъ снѣгомъ?!.. О, горькая моя судьба!..

И онъ опустилъ голову на грудь. Всѣ замерли. Дядинъ приказчикъ разгрызъ орѣхъ.

— Рѣшено и подписано! Сейчасъ начнется славный Бородинскій бой!..

— Ура! — гаркнули маршалы и опять стукнули мечами.

— Да это наши солдаты, изъ Хамовниковъ! — крикнулъ кто то за мною. — Съ первой роты, Перновскаго полку!.. Митюгинъ, жарь!..

— А зачѣмъ онъ сжегъ свои корабли? — спросилъ я дядина приказчика.

—Значить... такъ уже ему занадобилось. На дрова, можетъ, по случаю морозовъ... ужъ это ему извѣстно!

— Храбрые мои маршала-лы-ы! — крикнулъ Наполеонъ.

Парни вытянулись, какъ по командѣ, и замаршировали плечо къ плечу. Потому и маршировали, что — маршалы?

— Зарядить всѣ пушки и орудія! — крикнулъ Наполеонъ и заходилъ, притопывая, чтобы согрѣться.

— Чего-жь о н ъ дрова-то не зажигаетъ? — спросилъ Васька.

— Не умѣеть... — усмѣхнулся дядинъ приказчикъ и хитро подмигнуть мнѣ: — Полиція не дозволяетъ, по случаю пожара.

Маршалы отмаршировали за кулисы, откуда послышался барабанный бой и труба. Началось самое интересное. Наполеонъ подошелъ къ краю, погрѣлъ руку надъ лампой, — такъ всѣ и зашумѣли! — и прошепталъ:

— Чую, что не сдобровать! А, плевать!.. — крикнулъ онъ лихо, плюнулъ и даже растеръ ногой. — А напоследокъ выпью... ро-му!..

И ловко крикнулъ. Весь балаганъ такъ и загромыхалъ. Дядинъ приказчикъ даже всплеснулъ руками и затопалъ.

— Ну, до чего же вѣрно!..

Наполеонъ досталъ изъ кармана бутылочку и, подмигнувъ намъ, забулькалъ. Всѣ закричали — браво!

— Маленько обогрѣлся... — крикнулъ Наполеонъ, подмигивая. — Ухъ, русскіе морозы!

— Да, братъ, безъ ее плохо! — кричали сзади.

— А теперь... въ страшный бой, и пусть судьба рѣшитъ!..

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ изъ-подъ его ногъ вырвался бѣлый дымъ, словно вытряхнули муку, и поднялось что-то въ бѣломъ, какъ привидѣніе.

— Кто ты... о, незнакомецъ? — крикнулъ Наполеонъ, махая шпагой.

Незнакомецъ отвѣтилъ загробнымъ голосомъ:

— Знай, несчастный, что русскіе непобѣдимы!

Ударили лихо трубы — «ахъ, вы, сѣни мои сѣни», — и весь балаганъ загремѣлъ ногами и заоралъ — браво!

Наполеонъ гордо откинулся и пырлялъ въ воздухъ шпагой.

— Всѣ силы ада су-противъ меня! — хрипѣлъ онъ, — но я, — Наполеонъ, властитель міра и народовъ! Кто ты?..

— Я... — словно завыло привидѣніе, — конецъ твоему гордому ндраву! Слава твоя прошла!

И незнакомецъ провылъ, что Наполеонъ помретъ постыдной смертью середь моря-окияна, на острову, и тогда увидить его опять, въ послѣдній разъ!

— Кто же ты?.. — кричалъ Наполеонъ, пыряя шпагой.

— Кто я-аааа?! — завылъ незнакомецъ ужаснымъ воемъ. — Я... смерррртъ твоя!..

Простыня распахнулась, и мы увидѣли черное, расписанное бѣлыми полосками, какъ скелетъ, а изъ-подъ пола выставилась сверкающая коса. Смерть подхватила косу и провела ея надъ головой Наполеона. Снизу задымилось и ѣдко запахло сѣрой.

Наполеонъ махнулъ шпагой, а смерть медленно пятилась и грозила косою. Наконецъ, ушла.

— Ха-ха-ха... — хохоталъ страшно Наполеонъ. — Смерть? Плевать! Маршалы, ко мнѣ! Начнемъ Бородинскій бой!

— Начнемъ!.. — гаркнули маршалы, словно на лошадей, и выкатили пушку.

— Пали! — скомандовалъ Наполеонъ.

Грохнуло, и все заволокло дымомъ. И такая пошла стрѣльба, что стало страшно. Наконецъ, затихло. Наполеонъ, кашляя отъ дыма, махнулъ платочкомъ. Опять появились маршалы. Наполеонъ сѣлъ на пушку, а маршалы стали его разглядывать: не раненъ-ли?

— Ага! — крикнулъ Наполеонъ, — русскіе не сдаются? Въ такомъ случаѣ, идемъ прямо на Москву!

— Ура! — заорали маршалы и стукнули мечами.

Занавѣсъ опустился. Вышелъ кто-то въ хорьковой шубѣ и объявилъ, что завтра будетъ представлять бѣгство Наполеона изъ Москвы, русскія пляски-апофеозъ и дивертисментъ съ ножами и огнями — фо-кусы!

— Ай, Василь Сергѣичъ... какой представитель знаменитый! — сказалъ дядинъ приказчикъ. — Землякъ мой, всякія художества умѣеть.

Когда мы выходили изъ балагана, насъ нагналъ Василій Сергѣичъ, уже въ зеленомъ балахонѣ.

— Посмѣялись, сударь? — ласково сказалъ онъ и погладилъ меня по башлычку. — Вотъ какъ на хлѣбъ да на квасъ-то зарабатываемъ!

И попросилъ дядина приказчика похлопотать для него работы.

— Найдется, опосля праздниковъ навѣдайся... — сказалъ дядинъ приказчикъ.

— Одному-то бы ничего, да братнины сироты при мнѣ...

— Для тебя отказу не будетъ. И сударь папашеньку попросить...

Когда мы пошли от балагана, по балкону ходила огромная черная голова, а бывший Наполеонъ колотилъ по ней палкой и кричалъ сиплымъ голосомъ:

— А вотъ дать сладкихъ сухарей, чтобы издохъ поскорѣй! Проворнѣй, проворнѣй... кха... кха... Ахъ, застрялъ въ глоткѣ возокъ льду... проворнѣй, проворнѣй... Наполеона представлять пойду!..

— Пропащій человекъ! — сказалъ дядинъ приказчикъ.

— Почему — пропашій?

— Пропадеть. Въ больницу его надо, кровью плюеть, а онъ вонъ на морозѣ ломается, оретъ. А зато людямъ весело!

Я оглянулся на балаганъ, на зеленого человекъ, что-то кричавшаго на народъ, приставивъ ко рту руку, и мнѣ стало чего-то грустно.

— Вотъ и получили удовольствіе, — говорилъ мнѣ дядинъ приказчикъ ласково, — и папашенькѣ скажете, что не одни были, а со мной... сводилъ васъ на представленіе кеятровъ, и денежекъ не платили-съ. И со мной-съ. Однимъ нехорошо въ черный народъ ходить-съ... слова разныя нехорошія и поступки-съ. Такъ и скажите-съ, что со мной, въ сохранности. Орѣшковъ-съ?..

Я все оглядывался. Вспоминалъ сѣрое лицо Наполеона и рукавъ его сюртука, и кашель. И флаги на пестрыхъ балаганахъ уже не манили меня веселымъ шелканьемъ.

— А вы чего это приуныли? — спрашивалъ дядинъ приказчикъ весело. — Васъ-то вонъ какъ прыгаетъ! Безъ спросу ушли, что ли... боитесь, что трепка будетъ? А вы скажете, что со мной...

Пожалуй, и это меня тревожило. И было еще, другое.

Севръ, мартъ 1928 г.

Ив. Шмелевъ.